

Классики

Какой был праздник в первый день июня,
когда гремело небо на районе,
и тополя над городом цвели.

Учёба кончилась, и нас в кино вели:
и второклассников, почти уже смиренных,
и отмотавших первый срок салаг.

Пока в кинотеатре был аншлаг,
на улицы пришёл великий ливень,
обрушился, и смыл с асфальта мел,
котёл, огонь и небо тоже смыл,
и цифры, заключённые в квадраты,
и гардероб, и оргметодотдел
затёр кусками тополиной ваты.

Потом мы возвращались из кино,
нам приказали выстроиться в пары.
Промытые сверкали тротуары,
и в небе было дно истончено.

Нам разрешили в этом океане,
в начале лета, в первый день июня,
свою свободу смутно ощутить
как что-то очень лёгкое вне тела.
И кто-то отыскал кусочек мела,
чтоб классики по новой начертить.

Кукушкины слёзы

Зелёное пламя
в сосновых ладонях
восходит звезда за звездой.
Зелёное пламя
горит, полыхает
над чёрной водой.
Горит и качается,
и на ветру стекленеет смола.
В зелёном кануне сосновые свечи,
и несть им числа.

Из пламени птица взлетает,
высокое горло зелёным огнём опалив.
Протяжные всхлипы
разносит полуденный ветер,
смирен, терпелив.

Лиловые капли
у листьев стекают
со сморщенных щёк,
как будто бы нет
никого,
кто б заплакал ещё.

И воздух вокруг
оттого так податливо многоголос.
Кукушка, поплачь за меня,
за того, кто рыдает без слёз.
В холодные стекла
гляжу — там расставлены свечи
по всей
по небесной длине.
Лиловое эхо
в зелёном сгорает огне.

***

Сквозь рыхлую прослойку тишины
созвучия отчётливей слышны.
В любом движении света или тени
мелькает он, пугливый местный гений,
сминает мох, укрывший валуны.

Он ничего не произносит вслух;
крапива, одуванчик и лопух,
пырея узловатые колени
и в розовой тысячелистной пене
тысячелетья голос или двух.

Под выцветшим на солнце добела
оконным парусом —
глухая тень легла.
Качается прозрачная веранда,
и отражённый шум плывёт обратно,
по зыбкой траектории стекла.

Наушники

Девушка в наушниках
вошла на «Политехнической»
и села напротив.
Она не видит рекламы
(купите квартиру в рассрочку),
не видит людей —
ни старушку с пакетами,
ни узкоглазых ребят
в рабочих спецовках.

Наушники — два фонаря.
Свет их, направленный внутрь человека,
затмевает любые предметы.

***

В Ухани отменяют карантин —
я слышала, когда стояла в пробке,
внутри отдельной божией коробки,
одетой в металлический хитин.

Прохожие бегут через проспект,
и греет солнце крыши Петроградки,
как будто бы и правда всё в порядке.
До перекрёстка маленький просвет,

а что за перекрёстком — не видать.
Мне слепота почти как благодать,
и смерти нет, поскольку смерть — в Ухани.

Кипит весна, гудят грузовики,
фольксвагены и прочие жуки,
и светофоров ровное дыхание,
и пешеход, бегущий напрямки.

***

Красивая женщина
скинула обувь и направилась к воде.
Не убегай,
я хочу рассмотреть получше
пальцы твоих ног.
Они мне расскажут, как тяжело
носить всю эту ослепительную красоту.

Скорченные узкими колодками,
сгорбленные ежедневным трудом,
сведённые спазмом,
поджатые вовнутрь,
искривлённые от рождения.
Врачи считают, что такие пальцы
бывают у людей,
в младенчестве переживших
пирамидное расстройство нервной системы.

Младенец не виноват.
Выброшенный в чужой, грохочущий мир,
он хочет сжаться, свернуться в комок.
Проходит время, и комок расправляется,
человек встаёт на ноги и куда-то идёт,
и всё, что ему остаётся от пережитого страха —
искривлённые пальцы ног,
скрытые плотной кожаной обувью.

Эти пальцы — память о том
кем была ты когда-то,
красивая женщина.
Ты, плавная, с гибкой и гладкой спиной.
Ты, смелая, с сильными загорелыми ногами,
движениями похожая
на атласную ленту
которую колеблет ветер.

Насмешливой речью
подобная говору водяной мельницы.

Не убегай,
я хочу рассмотреть получше.
Ты видишь, я, в общем, и так
нахожусь где-то там,
возле узких твоих лодыжек,
возле стоп твоих
с прекрасными тонкими кривыми пальцами.

***

Как развернулись улиц лоскуты —
на битых стёклах бурые следы.

Как рухнул на асфальт короткий ливень
и схлынул лёгким выдохом, волной.

Как ты стоял, нечаянно счастливый,
и прислонялся к дереву спиной.

И мокрый лист был соткан из любви —
мы прятались под ним как муравьи.

И — нет, я больше ничего не вспомню.
Печаль была, как мера всем вещам,
но в чём скрывался замысел Господень,
мой муравьиный разум не вмещал.

Прозрачный дым — вот он в руках почти,
но не обнять его, не унести.